

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.

XVI¹).

Преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца.

На имя любимаго народнаго богатыря наслоилось не мало сказаній разнаго времени и различнаго происхожденія. Для того чтобъ уяснить эпическую исторію Ильи Муромца, важно разобратъся въ фактическомъ матеріалѣ каждаго сказанія въ отдѣльности, и только когда рядъ такихъ детальныхъ разысканій по каждому отдѣльному сюжету, въ которомъ фигурируетъ имя Ильи, будетъ законченъ, изслѣдователи получатъ возможность точнѣе отвѣтить на многіе изъ тѣхъ вопросовъ, на которые въ настоящее время мы удовлетворяемся лишь неопредѣленными и предположительными отвѣтами.

¹) См. „Э. О.”, кн. XVIII, 53.

Эпическая біографія Ильи открывається сказаньемъ объ его исцѣленіи чудесными странниками, давшими ему испить воды или другого питья. Въ этомъ преданіи отыскивали миѳическую основу (О. Миллеръ), указывали агіологическую и сказочную подкладку (Буслаевъ, Халанскій, Безсоновъ), но до сихъ поръ остается не вполне уясненнымъ, насколько распространено это сказаніе въ *былинной* обработкѣ и насколько древне его прикрѣпленіе къ личности Ильи Муромца.

Уже О. Миллеръ, въ разборѣ сказанія, сдѣлалъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: „Сказаніе это передается *во множествѣ* пересказовъ, но, къ сожалѣнію, стихъ въ нихъ большею частью въ состояніи уже разлагающемся, такъ что это скорѣе уже побывальщины или же и просто сказки”²⁾ Въ виду того, что понятіе „множества” совершенно относительное, считаю необходимымъ точно опредѣлить число извѣстныхъ намъ былинныхъ версій этого

²⁾ Илья Муромецъ. Стр. 169.

сказанія и затѣмъ разсмотрѣть ихъ свойства.

Во всемъ обширномъ сборникѣ Гильфердинга, содержащемъ 57 №№ былинь объ Ильѣ, и въ томъ числѣ 8 №№ о выѣздѣ Ильи изъ дому, въ которыхъ рассказъ объ его исцѣленіи былъ бы вполне умѣстенъ, исцѣленіе Ильи встрѣчается только въ одномъ № 120, въ былинѣ, записанной отъ Щеголенка (въ Кижяхъ въ д. Боярщинѣ). Содержаніе слѣдующее: Илья Муромецъ, *старый казакъ*, сидѣлъ 30 лѣтъ на *спдалищѣ*, не имѣлъ ни рукъ ни ногъ. Приходятъ два незнакомые старца и велятъ ему *возстать* на рѣзвы ноги и дать имъ пива яндому. Илья отказывается, ссылаясь на то, что не имѣетъ рукъ и ногъ. Старый старецъ повторяетъ приказаніе. Тогда Илья всталъ на ноги,

Яндому захватилъ питія съ водоносу—то,
Приносилъ—то старцю *единому*.

Старецъ велитъ ему самому испить, послѣ чего Илья почувствовалъ въ себѣ силу великую. То—же повторяется послѣ второй янды. Третью яндому старецъ

уже не даль выпить Ильѣ, а выпилъ самъ,
говоря:

Если приказать тебѣ третье пить яндому,
Не удержать тебѣ силы великія,
Не удержать тебѣ силы богатырскія.

Затѣмъ старецъ велитъ ему отправиться
въ Кіевъ къ князю Владимиру, говоритъ о
камнѣ съ какой-то надписью, не опредѣляя
ея содержанія, и уходитъ. Приходятъ
родители Ильи съ крестьянской работы и
радуются его исцѣленію. На его вопросъ,
что они работаютъ, они говорятъ, что
чистятъ лугъ-пожню за три поприща отъ
дому. Илья помогаетъ имъ чистить пожню,
выдергивая кусты руками и обрубая лѣса
по корешку. Затѣмъ онъ отправляется въ
Кіевъ, читаетъ надпись на камнѣ,
гласящую, что подъ нимъ сокрытъ конь
богатырскій, шуба соболиная, плетка
шелковая и палица булатная. Когда Илья
сѣлъ на коня, послѣдній говоритъ ему:

Ай же старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
Знай ты мною управлять,

Даль тебѣ Господь коня да богатырскаго,
Послалъ Господь *ангеловъ* милосливыхъ
На твое рождено на мѣсто;
Даль тебѣ Господь *руцъ-нозъ*.
Не написано теби, старой казакъ Илья
Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Не написана тебѣ смерть на убоищи.

Затѣмъ въ этой сводной былинѣ слѣдуетъ рассказъ о трехъ розстаняхъ съ обычными тремя надписями, причемъ только что выѣхавшій изъ дому 30-лѣтній Илья, совершенно некстати, говоритъ, что ему *на старость* не надо богатиться, не надо жениться, а надо ѣхать туда, гдѣ убиту быть. Слѣдуетъ встрѣча съ разбойниками (400 человекъ), прїѣздъ ко Крякову, гдѣ оказывается Одолище поганое, котораго Илья не убиваетъ, а привязываетъ къ стремени. Изъ Крякова Илья ѣдетъ къ Соловью Рахманову, который, противъ обыкновенія, скачетъ на богатырскомъ конѣ и поигрываетъ палицей булатною. Илья выбиваетъ его изъ сѣдла (а не изъ гнѣзда выстрѣломъ) и привязываетъ

къ тороку кониному, предварительно отвязавъ, неизвѣстно почему, Одолище. Затѣмъ идетъ разсказъ о дочеряхъ Соловья и ихъ попыткѣ убить Илью подворотней. Убивъ ихъ и зятьевъ Соловья, Илья прѣзжаетъ въ Черниговъ, входитъ въ Божій храмъ, но тотчасъ же выходитъ, говоря, что не можетъ служить молебна, такъ какъ его руки окровавлены человѣчьей кровью. Затѣмъ Илья прѣзжаетъ въ Кіевъ и отвѣчаетъ на вопросъ князя Владимира о дорогѣ, которой онъ ѣхалъ. Этимъ кончается эта путаная былина.

Просмотръ былины открываетъ въ ней всѣ свойства, отличающія былины Щеголенка. Уже Гильфердингъ замѣтилъ объ этомъ сказителѣ, что онъ соединяетъ часто въ одну былинѣ разнородные предметы и не придерживается опредѣленнаго размѣра³⁾. Отличаясь между всѣми извѣстными олонецкими сказителями наиболѣе обширнымъ репертуаромъ⁴⁾,

³⁾ Онежск. былины. Столб. 636.

⁴⁾ Гильфердингъ записалъ отъ Щеголенка 13 №№ (№№ 118—130); М. Гурьевъ 9 былинь и 4 духовныхъ стиха; Рыбниковъ 4 былины, и, наконецъ, въ бытность Щеголенка въ Москвѣ, онъ пропѣлъ П. Безсонову обширный вариантъ былины о Святогорѣ (Пѣсни Кирѣевского, 2-е изд. Вып. 4-й, стр. 184—203).

Щеголенокъ вноситъ въ свой рассказъ часто удивительную путаницу и на ряду съ превосходными былинами сообщаетъ о нѣкоторыхъ богатыряхъ свѣдѣнія весьма ненадежныя. Такъ, онъ не мало сообщилъ о Святогорѣ–богатырѣ, но не затруднился приписать ему и такія черты, которыя болѣе чѣмъ сомнительны и вѣроятно должны быть отнесены къ изобрѣтательности самого Щеголенка. Такъ, въ одной былинѣ (Гильф. № 118) Святогоръ стоитъ на заставѣ Московской во главѣ 12 богатырей и спрашиваетъ, кого послать въ землю *Талъянскую*; въ другой (№ 119) Святогоръ живетъ у Садка купца богатаго и послѣдній пишетъ письмо въ Сорочинскую землю, чтобы выслали Святогору шляпу Сорочинскую, въ третьей — Дюкъ Степановичъ и Щурило Щапликовичъ являются въ обычной роли Микулы Селяниновича и Вольги Святославовича⁵). Кромѣ большой смѣлости комбинацій, Щеголенокъ отличается и другимъ свойствомъ, также

⁵) Барсовъ. — Памят. нар. твор. Олонец. губ. Стр. 18.

отмѣченнымъ Гильфердингомъ. „Щеголенокъ, говоритъ Гильфердингъ⁶⁾, хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинь”. Дѣйствительно, помимо былинь Щеголенокъ пропѣлъ М. Гурьеву нѣсколько духовныхъ стиховъ, которые усвоилъ, вѣроятно, отъ каликъ, а именно: Иоаннъ Златыя уста, убогій Лазарь, красная Алисафія Агапѣвна, Кирикъ и Улита⁷⁾, и знакомство со стилемъ духовныхъ стиховъ отражается и въ складѣ его былинь. Такъ, въ разсмотрѣнной былинь объ исцѣленіи Ильи старцами, мы отмѣтили книжныя выраженія: *возстань, едино слово, съдалище, руць-нозь* и друг. Этими свойствами Щеголенка, какъ сказителя, объясняется то обстоятельство, что изъ числа 70 сказителей и сказительницъ, прослушанныхъ Гильфердингомъ, легендарный рассказъ объ исцѣленіи Ильи записанъ именно отъ него. Быть можетъ,

⁶⁾ Наз. соч. Столб. 636.

⁷⁾ Напечат. Барсовымъ въ Памят. нар. тв. Олон. губ. Стр. 85—97.

онъ слышалъ это благочестивое повѣствованіе отъ своего дяди Тимофея, отъ котораго научился, по словамъ Г., большинству своихъ былинь. А кому же и знать объ этомъ чудесномъ исцѣленіи безногаго молодца, какъ не дядѣ Тимофею, который, *будучи безногимъ*, самъ (подобно Ильѣ Муромцу) сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ углу въ домѣ отца Щеголенка?⁸⁾

Переходимъ къ другимъ былиннымъ пересказамъ исцѣленія Ильи. Въ сборникѣ Рыбникова, содержащемъ болѣе 40 былинь объ Ильѣ, исцѣленіе разсказывается только въ 2-хъ былинахъ или скорѣе побывальщинахъ. Первая (Рыбн. I, № 8) раздѣлена на стихи самимъ издателемъ Безсоновымъ⁹⁾, но стихи все же почти не чувствуются. Содержаніе ея очень разнообразно. Начало совершенно то же, что въ былинѣ Щеголенка, но добавлена та подробность, что родители Ильи ушли на крестьянскую работу, въ то время, когда двое каликъ приходятъ къ Ильѣ. Когда Илья, выпивъ одну только чару питьица

⁸⁾ Онеж. был. Столб. 636.

⁹⁾ См. примѣч. на стр. 33.

медвянаго, почувствовалъ силу великую, калики предрекають ему, что ему смерть въ бою не написана (эти слова Щеголенокъ вложилъ въ уста коня); затѣмъ запрещаютъ вступать въ бой со Святогоромъ, Самсономъ, родомъ Микуловымъ и Вольгой¹⁰), и даютъ указанія, какъ купить и выходить жеребчика. Далѣе рассказывается чистка пожни Ильей и покупка жеребчика. Первое похождение Ильи не съ разбойниками на пути въ Кіевъ, а встрѣча со Святогоромъ, который въ ларцѣ везетъ свою жену. Илья, въ полное несоотвѣтствіе своему эпически установленному характеру, начинаетъ свою богатырскую карьеру съ адюльтера! Попавъ въ карманъ къ Святогору, а затѣмъ подружившись съ нимъ и научившись отъ него „похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ“, Илья наѣзжаетъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ въ полѣ на великій гробъ, въ которомъ Святогоръ находитъ себѣ успокоеніе. Эпизодъ съ гробомъ уже досказанъ былъ сказителемъ Леонтіемъ Богдановымъ такою

¹⁰) Извѣстное перечисленіе богатырей, подавшее поводъ къ пресловутой теоріи о *старшихъ богатыряхъ*.

прозою, которую даже издатель не нашель возможнымъ переложить въ стихи: такъ мало въ ней обычныхъ эпическихъ выражений.

Не лишне отмѣтить нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Рыбниковымъ о сказителѣ Леонтіи Богдановѣ, крестьянинѣ той же Кижской волости. Богдановъ былъ уже старикъ лѣтъ семидесяти слишкомъ; сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т. е. бывалымъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбныя промыслы, на Ладожское озеро, живаль и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживаль со „щетью по деревнямъ¹¹⁾). Но сказитель былъ онъ неважный: зналь варианты неполныя и какъ-то не досказываль словъ. „Потому, говоритъ Рыбниковъ, я напечаталь только тѣ изъ былинь, которыя дополняли своими подробностями другіе варианты, или представляли совершенно новое содержаніе¹²⁾).

¹¹⁾ Рыбник. III, стр. XVI.

¹²⁾ Тамъ же, стр. XIII.

Такимъ образомъ и второй, разсмотрѣнной нами, пересказъ исцѣленія Ильи отличается тѣми же свойствами, какъ и первый: это не стройная по содержанию и складная по стиху былина, а скорѣе попытка передать въ былинномъ складѣ нѣсколько отдѣльныхъ сюжетовъ, связанныхъ именемъ Ильи, другими словами, попытка сдѣлать изъ сказки былинку.

Второй Рыбниковскій пересказъ исцѣленія Ильи¹³), такъ же какъ и первый, раздѣленъ издателемъ „по распѣву и складу“ на нѣкоторое подобіе стиховъ. „Стихъ разрушенъ“, — замѣчаетъ г. Безсоновъ¹⁴), но можно сомнѣваться, былъ ли рассказъ первоначально сложенъ стихами. Содержаніе близко къ разсмотрѣннымъ выше пересказамъ. „Старые проходящіе“, т. е. калики перехожіе, поятъ Илью 2 раза квасомъ, причемъ сначала отпиваютъ каждый разъ сами. Убавленія силы нѣтъ. Благословляя Илью стоять за вѣру христіанскую и за

¹³) II, № 2.

¹⁴) Тамъ же, стр. 2, примѣчаніе.

домъ Пресвятыя Богородицы, старцы говорятъ Ильѣ, что ему смерть въ бою не написана и что сильнѣе его на свѣтѣ только Самсонъ Самойловичъ, Святогоръ Колывановичъ и Микула Селяниновичъ. Затѣмъ велятъ ему купить жеребенка и ѣхать въ Кіевъ. Далѣе рассказывается кратко чистка пожни Ильей и покупка жеребенка. Былина записана отъ калики (не названнаго по имени). Замѣчательно, что тотъ же калика уже довольно складно пропѣлъ слѣдующую былинку — № 3, которая составляетъ собственно продолженіе первой, т. е. содержитъ выѣздъ Ильи изъ дому, пріѣздъ въ Черниговъ, походженіе съ Соловьемъ—разбойникомъ, пріѣздъ Ильи въ Кіевъ и смерть Соловья. Калика припомнилъ въ концѣ былины даже обычную припѣвку: «Дунай, Дунай, болѣ впередъ не знай». Мало того, отъ того же сказителя записаны Рыбниковымъ еще 7 былинъ: двѣ о Добрынѣ, по одной о Василии Игнатьевичѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Потыкѣ, Дюкѣ и

Василіи Буслаевичѣ¹⁵⁾ — и всѣ довольно складныя, не потребовавшія никакихъ поправокъ въ складѣ стиха отъ издателя. Не свидѣтельствуемъ ли этотъ фактъ въ пользу того, что калика не зналъ вовсе въ былинномъ, стихотворномъ складѣ разсказа объ исцѣленіи Ильи, что источникъ его былъ прозаическій?

Послѣдній Рыбниковскій пересказъ исцѣленія Ильи вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. „Когда я разсказалъ Рябинину, — говоритъ Рыбниковъ¹⁶⁾, побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ (т. е. Евстафьевъ), *тыль* былиною про все знакомство Ильи и Святогора и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой былины“. Эти отрывки — разговоръ Ильи со Святогоромъ, легшимъ въ гробъ, и наставленія каликъ перехожихъ Ильѣ относительно покупки коня. Послѣднія наставленія каликъ предполагаютъ существованіе *стихотворнаго же* разсказа объ исцѣленіи

¹⁵⁾ См. Рыбн. IV перечень сказителей, стр. 7.

¹⁶⁾ III, стр. 5.

Ильи каликами, но странно, что Трофимъ Рябининъ, не смотря на свою феноменальную память и замѣчательную твердость въ эпическомъ складѣ, не припомнилъ ничего изъ этого разсказа.

Итакъ, если лучший сказитель Онежскаго края не зналъ въ былинной формѣ разсказа объ исцѣленіи Ильи каликами, если три дошедшіе до насъ пересказа лишены метрическаго склада, то само собою является предположеніе, что рассматриваемый сюжетъ не былъ распространенъ въ олонецкомъ очагѣ нашего эпоса въ прочно установившейся былинной формѣ, подобно другимъ сюжетамъ съ именемъ національнаго богатыря. Самый разсказъ былъ извѣстенъ нѣкоторымъ каликамъ (Рыбн. II, № 2) или сказителямъ съ симпатіями къ духовнымъ стихамъ (Щеголенокъ), но, не отлившись въ стройный былинный складъ, не получилъ широкаго распространенія, не присталъ такъ прочно къ Ильѣ, какъ, напр., похождение съ Соловьемъ.

Переходя отъ олонецкихъ былинь къ былинамъ, записаннымъ въ другихъ частяхъ Россіи, мы встрѣчаемся въ обширномъ сборникѣ Кирѣевского только съ двумя былинными записями сказанія объ исцѣленіи Ильи. Первая былина записана въ селѣ Языковѣ Симбирскаго уѣзда, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно отъ кого. Неизвѣстно также, былъ ли подправленъ стихотворный складъ не издателемъ, а первымъ записывателемъ. Только четыре стиха оказались сбитыми пѣвцомъ и должны были быть переставлены, но вообще стихъ недурень. Гораздо путаннѣе былина по содержанію. Разсказъ о приходѣ къ Ильѣ-сидню Іисуса Христа съ двумя апостолами въ видѣ нищей братіи, объ испиваніи чаши (воды?), объ уменьшеніи силы Ильи на половину — крайне сжать и лишень эпического склада. Это скорѣй легенда въ метрической формѣ. Далѣе, по исцѣленіи, нищѣ просятъ Илью проводить ихъ къ бугру, и неизвѣстно, что съ ними случилось, а Илья ложится на бугръ отдохнуть (послѣ чего?) и спитъ 12 день.

Его разбудилъ младъ татарченокъ, пустивъ въ него стрѣлу, которая попала въ коня Ильи (хотя о конѣ раньше не было помину). Илья, проснувшись отъ выстрѣла, говоритъ татарченку, что закинулъ бы его въ сине море, еслибъ его мать не была ему (Ильѣ) кумой. Далѣе упоминается камень съ надписью между тремя дорогами — и на этомъ обрывается скомканная былина, вобравшая въ себя искаженный исходъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ (татарченокъ) и начало былины о трехъ поѣздкахъ.

Вторая былина того же сборника, записанная А. Харитоновымъ въ Архангельскомъ уѣздѣ (безъ точнаго обозначенія мѣста и лица)¹⁷⁾, внушаетъ еще меньше довѣрія, чѣмъ первая. Издатель называетъ ее побывальщиной съ разрушеннымъ стихомъ и складомъ, почти сказкой, и раздѣляетъ на стихи гадательно. Кажется, при записываньи не обошлось дѣло безъ нѣкоторыхъ подправокъ.

¹⁷⁾ Кирѣевскій. IV, 1—6.

Напримѣръ, какъ—то искусственно звучать, на нашъ взглядъ, первые два стиха:

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владимиръ вѣнецъ держаль.

Такое начало въ былинахъ намъ неизвѣстно. Родиною Ильи названо село Корочарово, но городъ Муромъ не упомянуть. Старику со старухою *дароваль* Богъ на старость дѣтище, которое сѣдуномъ сидѣло 30 лѣтъ. Исцѣленіе ему приносить старъ челоуѣкъ, пришедшій просить милостыню благословенную. Послѣ исцѣленія первое проявленіе силы Ильи — поднятіе огромнаго чана пива. Затѣмъ Илья сряжается во дорогу дальнюю. О приобрѣтеніи коня нѣтъ помину; пропущено также похождение съ разбойниками. Столкновение съ Соловьемъ—разбойникомъ, названнымъ Алатырцемъ некрещенымъ, рассказано кратко: опущена попытка дочери Соловья убить Илью. Далѣе не на своемъ мѣстѣ идетъ рассказъ объ освобожденіи Ильей города Крякова отъ непріятелей, причемъ, по просьбѣ Ильи, ему въ этомъ дѣлѣ помогаетъ Соловей—

разбойникъ, котораго Илья затѣмъ снова *прищуриваетъ* къ стремени булатному. По прїѣздѣ въ Кіевъ Илья идетъ въ церковь и когда князь Владимиръ здѣсь спрашиваетъ его, изъ какого онъ города и какъ его зовутъ, Илья обрываетъ князя такими невѣжливыми словами:

Здѣсь не то поють, не то и слушають,
Здѣсь идетъ обѣдня Воскресенская.

Только на пиру Илья удовлетворяетъ любопытству князя. Далѣе рассказывается кратко о свистѣ Соловья съ обычными послѣдствіями, за которыя Илья разрываетъ разбойника на части. Изъ этого обзора содержания видно, что и эта побывальщина, содержащая рассказъ объ исцѣленіи Ильи, принадлежитъ къ числу плохихъ, перепутывающихъ отдѣльные эпизоды. Обычные приемы былиннаго рассказа въ ней почти незамѣтны.

Въ сибирскихъ былинахъ также не нашлось рассказа объ исцѣленіи Ильи въ былинной формѣ. Его нѣтъ ни у Кирши Данилова, ни у С. И. Гуляева. Послѣдній собиратель записаль отъ замѣчательнаго

сказителя въ Барнауль Леонтія Тупицына складную и обширную былину о выѣздѣ Ильи изъ дому въ Кіевъ и прежде чѣмъ пропѣть ее, сказитель *разсказалъ* извѣстное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую¹⁸). Отсюда ясно, что и сибирскій сказитель, какъ олонецкіе, не зналъ разсматриваемаго сюжета въ *стихотворной* обработкѣ и передалъ его только какъ преданіе; иначе трудно было бы объяснить ту странную случайность, что сказители съ обширнымъ былиннымъ репертуаромъ оказываются безпамятными только относительно сюжета исцѣленія Ильи странниками. Является вопросъ, — какимъ путемъ, если не въ былинной обработкѣ, то въ видѣ прозаическаго сказанія могъ этотъ сюжетъ стать извѣстнымъ нѣкоторымъ сказителямъ?

Просматривая многочисленныя сказки объ Ильѣ, мы убѣдимся, что въ нихъ этотъ сюжетъ впервые прикрѣпился къ его имени. Но и въ средѣ этихъ сказокъ придется,

¹⁸) Был. стар. и нов. записи. Отд. II, стр. 1., прим. 1. (Изъ Этногр. Отд.).

какъ увидимъ ниже, намѣтитъ двѣ группы: сказки старинной записи XVII, XVIII вѣка и сказки современные. Изъ сказокъ первой группы, въ которыхъ мѣстами пробивается довольно ярко былинный складъ, намъ извѣстны пять, изданныхъ въ послѣдній разъ въ нашемъ сборникѣ былинь въ отдѣлѣ былинь старой записи. Таковы: а) „Повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ" (въ рукоп. XVII в. Им. Публ. Библ.); б) „Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ" (въ рук. Забѣлина, № 71); в) „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ" (въ рукоп. Буслаева); г) „Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ" (въ рукоп. Тихонравова, № 222); д) „Сказаніе о томъ же" въ рукоп. Забѣлина, № 82.

Первыя *четыре* сказки весьма близки между собой, всѣ онѣ начинаются со словъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ (Моровѣ) слушалъ Илья заутреню воскресную и въ умѣ держалъ ѣхать къ князю Владимиру въ Кіевъ", рассказываютъ объ избавленіи

Ильей города *Себежа* отъ враговъ, о встрѣчѣ съ Соловьемъ разбойникомъ, прїѣздѣ Ильи въ Кіевъ и о свистѣ Соловья съ его послѣдствіями. Объ убіеніи Соловья Ильей не говорится, и сказка кончается приглашеніемъ князя Владимира Ильи на службу. Впрочемъ, 4-я сказка оборвана раньше прїѣзда Ильи съ Соловьемъ въ Кіевъ. *Пятая* сказка (д) лишена начала, сохранилась съ того мѣста, гдѣ идетъ пріемъ Ильи княземъ Киберскимъ и воеводой Черниговскимъ. Это *сказаніе* представляетъ болѣе распространенный въ подробностяхъ пересказъ первыхъ походовъ Ильи, сохраняетъ кое-гдѣ стихи, вводитъ въ рассказъ о прїѣздѣ Ильи въ Кіевъ богатырей Алешу Поповича и Добрыню и въ послѣдней части содержитъ описаніе похода Ильи съ Идолицемъ нечестивымъ въ Кіевъ. Всѣ вышеперечисленныя записи (не говоримъ о послѣдней, коей начало не сохранилось), *не знаютъ* исцѣленія Ильи каліками. Не содержитъ этого сюжета и широко распространенная во множествѣ изданій

лубочная сказка объ Ильѣ¹⁹⁾, хотя начинается разсказомъ объ Ильѣ-сиднѣ. Не упоминая объ исцѣленіи каликами, она просто сообщаетъ, что когда Ильѣ минуло 30 лѣтъ, онъ сталъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую. Кромѣ похождения съ Соловьемъ, сказка содержитъ и столкновение Ильи съ Идолищемъ. Въ полной лицевой сказкѣ, объ Ильѣ, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1839 г., исцѣленіе уже внесено.

Другую группу составляютъ сказки, сравнительно недавно записанныя въ народѣ. Таковы: 1) Сказка изъ собранія Кирѣевскаго²⁰⁾; 2) Сказка очень многословная и въ частностяхъ подозрительная, изданная Сахаровымъ (Спб. 1841 г.) и перепечатанная Безсоновымъ²¹⁾; 3) Сказка, записанная въ Кадниковскомъ уѣз. Вологодской губ. г. Мерцаловымъ и напечатанная въ Матеріалахъ по этнографіи Вологод. губ.

¹⁹⁾ См. у Ровинскаго — Русскія народ. картинки, кн. I, № 1; Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ — I, прилож., стр. XVII—XXII; Аванасьевъ. Народ. руск. сказки I (изд. 1855 г.) стр. 53—58.

²⁰⁾ Пѣсни, вып. I, прил., стр. I—IV. Ср. у Аванасьева — III, № 11, (изд. 1860 г.).

²¹⁾ Тамъ же, стр. IV—XVI.

Н. А. Иваницкаго²²); 4) Самарская сказка, изданная Садовниковымъ²³); 5) Сказка о богатырѣ Осипѣ Прекрасномъ изъ Вятской губерніи, записанная Колосовымъ²⁴); 6) Тамбовская сказка изъ Елатомскаго уѣзда, записанная П. И. Астровымъ²⁵); 7) Бѣлорусская сказка изъ Гомельскаго у., изданная Е. Р. Романовымъ²⁶); 8) Бѣлорусская же сказка, записанная въ Смоленской губерніи В. Н. Добровольскимъ²⁷); 9) Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Бѣльскомъ у., Смоленской губ. В. В. Богдановымъ; 10) Малорусская сказка объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Волынской губерніи²⁸); 11) Сказка объ Ильѣ, записанная въ Екатеринославской

²²) См. Сборникъ свѣд. для изученія быта крестьянск. населенія Россіи (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI). М. 1890. В II, стр. 168—170.

²³) Сказки и преданія Самарскаго края. 1894 г., № 8, стр. 56—57.

²⁴) Замѣтки о языкѣ и нар. поэзіи въ области сѣверно-великорус. нарѣчія, стр. 272—275.

²⁵) Сборн. свѣд. для изученія быта крест. насел. Россіи. Вып. II, стр. 168, примѣч. 2.

²⁶) Бѣлорусскій Сборникъ В. IV, 1891, стр. 17.

²⁷) Смоленскій Этнографическій Сборникъ, ч. I, 1891 г., стр. 397—402.

²⁸) Изложена въ моихъ Матеріалахъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ IV. см. Этногр. Обзор. Кн. XII, стр. 122—125.

губ.²⁹⁾; 12) Малорусская сказка у Руликовскаго³⁰⁾.

Къ перечисленнымъ русскимъ сказкамъ можно отнести еще нѣкоторыя инородческія, перешедшія къ инородцамъ отъ русскихъ. Таковы: финскія сказки объ Ильѣ, изложенныя акад. А. Н. Веселовскимъ³¹⁾; латышская сказка, изъ собранія Ѳ. Я. Трейланда³²⁾; чувашская, въ изложеніи Магнитскаго³³⁾; якутская, изложенная по-русски Худяковымъ³⁴⁾; вотяцкая, изложенная Верещагинымъ³⁵⁾.

Сдѣлаемъ теперь краткую характеристику этихъ сказокъ съ цѣлью уяснить отношеніе встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мотива исцѣленія Ильи къ тому же мотиву въ былинахъ.

1) Сказку изъ собранія Кирѣевскаго издатель г. Безсоновъ называетъ многословной, поздней и искаженной.

²⁹⁾ Напеч. въ Елисаветград. Вѣстникъ 1889, № 92.

³⁰⁾ Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Krakow, 1879, стр. 6—8.

³¹⁾ Въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ,

³²⁾ Издана въ переводѣ въ 2 в. Сборника матер. по этнографіи, издав. при Дашков. Этногр. Музеѣ.

³³⁾ См. соч. Магнитскаго. — Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Казань 1881, стр. 251—253.

³⁴⁾ Верхоянскій Сборникъ (зап.-восточно-сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. I, вып. 3), 1890, стр. 254—268.

³⁵⁾ Верещагинъ — Вотяки Сосновскаго края. Спб., 1886, стр. 142 и слѣд.

Городъ Муромъ въ ней не упоминается. Начинается она обычнымъ сказочнымъ неопредѣленнымъ указаніемъ: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ. У богатыхъ престарѣлыхъ родителей—крестьянъ нѣтъ дѣтей и они просятъ Бога о рожденіи сына. Наконецъ Богъ далъ имъ сына, но не владѣющаго ногами. Когда ему было 18 лѣтъ, разъ родители пошли на покосъ. Въ ихъ отсутствіе приходитъ въ ихъ избу нищяя братія и проситъ милостыни. Слѣдуетъ исцѣленіе богатыря питьемъ воды. Илья идетъ къ родителямъ и помогаетъ имъ копать лѣсъ. Затѣмъ выбираетъ коня наложеніемъ руки ему на хребетъ. Выѣздь изъ дому. Соловей разбойникъ. Пріѣздь Ильи ко дворцу (Владимиръ и Кіевъ не названы). Свистъ Соловья. Илья беретъ „короля и всю его фамилію“ подъ мышки. Далѣе онъ побиваетъ 12—ти—головаго змѣя, летающаго къ дочери короля. Король приглашаетъ Илью остаться у него на службѣ, но онъ уѣзжаетъ въ свое отечество.

2) Многословная и съ присочиненіями сказка Сахарова составлена имъ подъ вліяніемъ былинь, пріукрашена эпическими выраженіями, эпитетами и старинными бытовыми словами. Отецъ Ильи, Иванъ Тимофеевичъ, живетъ въ селѣ Карачаровѣ. Илью исцѣляютъ 2 калики перехожіе. Многословное прощаніе Ильи съ родителями и назиданіе отца. Заповѣдь Ильи не вынимать изъ колчана калены стрѣлы, изъ налучна тугого лука. Наѣздъ его на станишниковъ, пировавшихъ въ бѣлыхъ шатрахъ въ Брянскихъ лѣсахъ. Эпичные переговоры Ильи со станичниками. Освобожденіе Чернигова „чуднаго града“ отъ силы басурманской. Илья полонилъ басурманскаго царя и встрѣченъ Черниговскимъ воеводой и посадскими людьми, старымъ и малымъ, съ хлѣбомъ—солью. „Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ въ чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры въ широкомъ полѣ подымалися: выходили, выступали добры молодцы—черниговцы. Приходитъ

Илья на княжой дворѣ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ Илья посередь двора, а ставши, шапочку съ головы *соимывалъ*, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись молвилъ рѣчь великую: „А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашъ чудень градъ Черниговъ³⁶⁾). Идучи на дѣло великое, во стольный градъ Кіевъ, изъ-за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную; а и жаль-то стало мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ *надсады* сила басурманская угрогнула. Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашъ чудень градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослобоженъ" и т. д. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку изъ сказки Сахарова, чтобы избавить себя отъ труда дальнѣйшаго ея разбора. Ея изложеніе

³⁶⁾ Какая скромность!

настолько отзывается обычнымъ приторнымъ стилемъ Сахарова, что въ его авторствѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Онъ сложилъ ее самъ, пользуясь былинами, но упорядочилъ ихъ содержаніе, привелъ его въ нѣкоторую стройность, стеръ анахронизмы, внесъ нѣкоторыя старинныя выраженія и надѣлилъ Илью въ изобиліи христіанскою благодатью и другими идеальными чертами. Размазавъ своимъ quasi-народнымъ, приторнымъ изложеніемъ обычные подвиги Ильи (бой съ Соловьемъ, съ Идолицемъ), онъ кончаетъ свое произведеніе слѣдующимъ заключеніемъ: „Съ той поры жилъ онъ Илья въ Кіевѣ. Стары старики чтили Илью *большимъ* почетомъ; молодые молодцы уряжали ему, Ильѣ, челобитьица. А живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился. А то старина, а то и дѣянье³⁷⁾. Думаю, что при всякихъ соображеніяхъ объ Ильѣ Муромцѣ сказка Сахарова (которою, къ сожалѣнію, слишкомъ часто пользовались) должна

³⁷⁾ Обычная присказка былинъ въ сборникѣ Кирши Данилова.

быть устранена, какъ продуктъ личнаго сочинительства, хотя и любопытный для характеристики идеи официальной народности 30—40 годовъ, но негодный для научныхъ заключеній.

3) Въ Вологодской сказкѣ, записанной г. Мерцаловымъ, Илья сидитъ безъ ногъ въ Муромѣ (село Карачарово не названо). Въ отсутствіе его родителей приходятъ къ нему Илья Пророкъ и Микола Милостивый, которые исцѣляютъ его пивомъ. Уменьшенія силы нѣтъ, чистки пожни также. Исцѣленный Илья ищетъ коня наложеніемъ руки. Найдя коня, ѣдетъ „очищать поганя мѣста“. Встрѣча съ великаномъ, соотвѣтствующимъ Идолищу, въ неопредѣленномъ царствѣ. Илья убиваетъ его шляпой въ 40 пудовъ. Похождение съ Соловьемъ разбойникомъ. Привязавъ Соловья къ коню, Илья прѣзжаетъ куда-то, гдѣ справлялась свадьба (последній отголосокъ пира Владимира въ Кіевѣ). Испытаніе свиста Соловья, отъ котораго изъ оконъ рамы повыпрядали, а люди на полъ попадали. Въ

инномъ царствѣ Илья, вырвавъ березу, побиваетъ силу некрещеную (отголосокъ освобожденія Чернигова?). Въ *инномъ* царствѣ бьется съ могучимъ богатыремъ, опрокинувъ допрашиваетъ его о родѣ племени. Тотъ сказался ему и нашелся ему въ роднѣ, и они побратались и поѣхали вмѣстѣ (отголосокъ былины о боѣ отца съ сыномъ). Еще въ *инномъ* царствѣ царь проситъ Илью о помощи противъ одного могучаго богатыря. Илья съ товарищемъ побиваетъ много силы, пируетъ у царя и уѣзжаетъ домой къ отцу и матери. Этимъ сказка кончается. Отмѣтимъ, что хотя она и не сохранила былевыхъ именъ (Владимира, Кіева, Чернигова, Идолица, Сокольника), но содержитъ кое-какіе реминисценціи былинныхъ походовъ Ильи. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что сказка записана въ Вологодской губерніи, сравнительно болѣе близкой къ Олонецкому очагу нашего былевого эпоса.

4) Самарская сказка въ сборникѣ Садовникова не приурочиваетъ Илью къ Мурому. Исцѣляютъ Илью 2 нищихъ

пивомъ. Уменьшеніе силы на половину. Исцѣленный Илья идетъ съ бочкой пива къ родителямъ, занятымъ чисткою лѣса, и вырываетъ дубы съ корнями. Запруженіе Оки. Похождение съ Соловьемъ разбойникомъ. Мѣсто Кіева занимаетъ *не-русское королевство*. При дворѣ короля, не названнаго, Илья заставляеть Соловья свистать, и его свистъ уничтожаетъ все королевство. Въ сказкѣ нѣтъ никакихъ былинныхъ именъ, кромѣ Соловья-разбойника. Любопытная черта — запруженіе Оки.

5) Въ Вятской сказкѣ, записанной Колосовымъ, находимъ странную замѣну Ильи Осипомъ прекраснымъ. „Жили прежде два старика (мѣсто не названо). У нихъ только, у двухъ братьевъ, былъ одинъ сынъ. Ему названіе Осипъ прекрасный, онъ былъ больно сперва хорошъ. И приключилась ему болѣзнь. И эти старики задумали сдѣлать ему помочь — на полѣ хлѣбъ сѣяти. Ево оставили одново дома“. Къ Осипу является ангель и исцѣляетъ его двумя чашками пива, наградивъ при этомъ

необыкновенною силою. Ангель спрашиваетъ, не было-ли у него обѣщанія куда ѣхать. Осипъ говоритъ, что даль обѣщаніе ѣхать въ Кіевъ градъ „черезъ рѣчку Ребинову (т.-е. Смородину), черезъ моста калиновы, черезъ Соловья разбойника". Ангель велитъ купить коня у сосѣда, заплативъ, сколько онъ спроситъ. Осипъ выкормилъ коня, благословился у отца и поѣхалъ. Похожденіе съ Соловьемъ разбойникомъ съ обычными подробностями. Осипъ съ Соловьемъ пріѣзжаетъ затѣмъ въ Россію къ русскому царю. Богатыри его приходятъ отъ обѣдни. Царь подаетъ имъ по рюмкѣ. Они похваляются силой. Осипъ заявляетъ, что привезъ Соловья. По желанію царя послѣдняго вводятъ въ комнаты и заставляютъ свистать. За непослушаніе Осипъ убиваетъ Соловья шляпой; царь назвалъ его большимъ братомъ. Этимъ кончается сказка. Кромѣ мотива исцѣленія, остальные черты содержанія ея могутъ быть взяты изъ лубочной сказки и, можетъ быть, изъ былинь, которыя вѣроятно въ

прежнія времена были не безъизвѣстны въ Вятской губерніи.

6) Въ Тамбовской сказкѣ, записанной г. Астровымъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, любопытно смѣшеніе Ильи Муромца съ Ильею Пророкомъ: безъ различія и тотъ и другой называется Илья Великій. „Илья Великій прежде человѣкомъ былъ. Только у него руки и ноги отсохли. Отецъ и мать пошли въ лѣсъ дрова рубить. Илья почувствовалъ въ себѣ силу и говоритъ: еслибъ ноги и руки, я-бы съ корнемъ дерева рвалъ и бросалъ, слетѣли съ неба три ангела, велѣли ему встать. Илья говоритъ: не могу; тѣ опять — Илья всталъ. Ангелы велѣли ему выпить чашку вина. Онъ выпилъ. Илья почувствовалъ, что силы у него прибавилось. Ангелы велѣли ему выпить другую. Спрашиваютъ, что съ нимъ. Говоритъ, силы у него столько, что еслибы былъ столбъ отъ земли до неба, то онъ повернулъ бы всю Божию колесницу. Тогда эти трое дали ему выпить четвертую чашу вина, силы у него стало меньше. Тогда Илья сталъ искать себѣ богатырей, съ

которыми бы побиться. Узналъ про Соловья–разбойника. Соловей былъ мужикъ, залѣзалъ на деревья, разбойничалъ. Илья вошелъ къ нему въ домъ. Илья велѣлъ Соловью свистѣть. Соловей свистнулъ. Илья еле удержался на ногахъ. Теперь, говоритъ Илья, я тебя свистну, завязывай глаза. Завязалъ ему глаза и свистнулъ его дубиною. У Соловья были дѣти. Говорятъ, какъ поѣдетъ Илья черезъ ворота, какъ–нибудь придавить его. Съли оба на ворота, положили чѣмъ его раздавить. Илья какъ–то увернулся: Богъ его спасъ и взялъ его на небо³⁸). Приведенная сказка свидѣтельствуесть о томъ, какъ скудны отголоски даже лубочной сказки объ Ильѣ въ Тамбовской губерніи. Въ населеніи Елатомскаго уѣзда произошло такое же смѣшеніе Ильи Муромца съ Ильей Пророкомъ, какое мы находимъ, по свидѣтельству Колосова, и на предполагаемой родинѣ Ильи, въ селѣ Карачаровѣ. „Имя Ильи, говоритъ этотъ изслѣдователь, знакомо каждому

³⁸) Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи. Вып II. стр. 168. Примѣчаніе 2. (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI).

карачаровцу и муромцу, но въ народѣ встрѣчаются уже лица, слившія въ одно смутное представленіе образъ Ильи богатыря и Ильи пророка. Карачаровцы знаютъ, что Илья до 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; былъ исцѣленъ калѣками; что помогъ своимъ родителямъ очистить лѣсъ, проявивъ при этой работѣ неожиданно для всѣхъ свою богатырскую силу; знаютъ, наконецъ, объ ускокахъ его коня, но — и только. Престарѣлый священникъ села Карачарова, живущій тамъ уже полстолѣтія, говорилъ мнѣ, что прежде знали объ Ильѣ больше. Но изъ того, что онъ могъ припомнить, видно, что и прежде, какъ и теперь, народъ ничего не зналъ о службѣ Ильи въ Кіевѣ, объ отношеніяхъ его къ Владимиру и о тѣхъ богатырскихъ подвигахъ, о которыхъ хранится столько былевыхъ пѣсень въ Олонецкомъ краѣ”³⁹). Припомнимъ это свидѣтельство Колосова для дальнѣйшаго.

7) Въ бѣлорусской сказкѣ г. Романова (№ 44 въ вып. III, стр. 259—262) про

³⁹) Назв. соч., стр. 310.

Ильюшку, мѣсто рожденія Ильи не названо. Къ 23-лѣтнему лежебокѣ приходитъ Господь и исцѣляетъ его питьемъ воды. Исцѣленный идетъ къ родителямъ въ поле съ бочкой воды и 12 булками хлѣба. Чистка ляда Ильей. Запруженіе рѣки Дуная на семь версть. Покупка жеребенка у попа, кованье булавы и отѣздъ изъ дому. Соловья разбойника замѣняетъ негодный Соколь, убивающій людей свистомъ на разстояніи 12 версть. Илья убиваетъ его булавой и натыкаетъ его голову на пику. Затѣмъ идетъ къ негодному (нягидному) царю Прожору, которому Соколь служилъ караульщикомъ. Увидѣвъ, что Соколь убитъ, Прожоръ приглашаетъ Илью на пиръ, но Илья убиваетъ его шапкой. Поѣхавъ въ другое царство, Илья помогаетъ людямъ поднять 12 камней и отказывается отъ платы; далѣе пріѣзжаетъ къ церкви св. Николая и, помолившись, идетъ въ свое царство, къ отцу и матери. Здѣсь, полежавъ 3 дня на постели, онъ преставился и сталъ святымъ. Онъ завѣдуетъ громовой тучей. Его схоронили

въ склепѣ, но по волѣ Господней онъ невидимо ни для кого отправился водой, по р. Сожу, въ Кіевъ и легъ въ склепѣ въ кіевскихъ пещерахъ. Какъ любопытныя черты сказки могутъ быть отмѣчены: смѣшеніе въ одной личности царя Прожора двухъ былинныхъ — Идолица и князя Владимира; смѣшеніе Ильи съ Ильей Пророкомъ и со святымъ Ильей Муромскимъ, коего мощи лежатъ подъ спудомъ въ кіевскихъ пещерахъ. Никакихъ географическихъ былевыхъ именъ сказка не помнитъ. Запрудѣ Оки карачаровскаго преданія соотвѣтствуетъ запруда Дуная.

То же смѣшеніе Ильи съ Ильей Пророкомъ находимъ въ краткомъ вариантѣ изъ Гомельскаго уѣзда⁴⁰). Исцѣленія странниками нѣтъ. Говорится только, что, просидѣвъ долго въ сидняхъ, Илья всталъ и пошелъ къ родителямъ въ *лядо*, неся имъ обѣдъ. Далѣе описывается недоумѣнье родителей и вырыванье Ильей деревьевъ съ корнями. Затѣмъ Илья сталъ пророкомъ, и Богъ взялъ его на небо съ тѣлесами.

⁴⁰) Романовъ — IV, стр. 17.

8) Большую полноту въ подробностяхъ представляетъ смоленская сказка въ сборникѣ г. Добровольскаго. Илья родился у одного мужичка подь Брянскомъ, но до 30 лѣтъ не владѣлъ руками и ногами. Отець его собралъ толоку для чистки пожни. Въ его отсутствіе приходитъ къ Ильѣ старичекъ, проситъ напиться квасу и обычнымъ способомъ исцѣляетъ Илью. Несеніе обѣда родителямъ, чистка пожни, покупка кобылы, отѣздъ изъ дому. Илья Мурамъ (таково его прозвище) розыскиваетъ Соловья–разбойника, ранитъ его стрѣлою въ глазъ и ѣдетъ съ нимъ въ королевскій домъ, гдѣ собраны богатыри. Кобыла Ильи отгоняетъ коней другихъ богатырей отъ корму; самъ онъ, не получивъ мѣста, тѣснитъ богатырей и проламываетъ стѣну, затѣмъ шляпой убиваетъ одного изъ богатырей Обжору (Идолищу). Объ этомъ докладываютъ королю, который призываетъ къ себѣ Илью. Тотъ кладетъ Соловья за–пазуху и здоровается съ королемъ. Разспросы о пути, которымъ онъ ѣхалъ. Свистъ Соловья

и его смерть. Разрубивъ его на куски, Илья какъ дунеть на кусочекъ, такъ онъ превращается въ соловья и улетаетъ. Затѣмъ Илья идетъ въ Кіевъ, гдѣ живетъ Алькадимъ богатырь незрящій, сильный, могучій. Послѣднему снилось, что Илья его убьетъ, и онъ заранѣе заказываетъ себѣ гробъ. Проѣзжая лѣсомъ, Илья видитъ людей, дѣлающихъ „домовину“. Узнавъ, что гробъ готовятъ для Алькадима, которому суждено быть имъ убитымъ, Илья ѣдетъ къ нему. Алькадимъ заперся за 7 дверьми, которыя Илья вышибаетъ. Алькадимъ протягиваетъ Ильѣ руку и сжимаетъ крѣпко руку Ильи. Тому это не полюбилось и онъ ударомъ шляпы убиваетъ Алькадима, чѣмъ сказка кончается.

Интересъ смоленской сказки исчерпывается тѣмъ, что въ персонажѣ Алькадима просвѣчиваютъ нѣкоторыя черты Святогора. Онъ напоминаетъ послѣдняго гробомъ, въ которомъ суждено ему лечь. Та же редакція сказки — съ Соловьемъ, Идолицемъ и Святогоромъ — перешла, какъ увидимъ ниже, отъ русскихъ

къ финнамъ. Отмѣтимъ также, что происхождение соловьевъ изъ кусковъ тѣла Соловья—разбойника извѣстно кое—гдѣ въ Малороссіи.

9) Другая бѣлорусская сказка, записанная В. В. Богдановымъ въ Бѣльскомъ у. Смоленской губерніи и еще ненапечатанная, отличается большей полнотой подробностей и сохранностью нѣкоторыхъ эпическихъ выражений. Илья Мурывичъ родился въ селѣ Карачивѣ въ городѣ Муровѣ отъ престарѣлыхъ родителей Ивана Тимофѣевича и Епистиміи⁴¹⁾ послѣ долгихъ ихъ молитвъ. Тридцать лѣтъ онъ не владѣлъ ногами. Исцѣленіе ему принесъ одинъ старичокъ, попросивъ его принести воды и давъ ему напиться. Исцѣленный Илья отпрашивается у родителей ѣхать въ Кіевъ, чтобы угодникамъ помолиться и кіевскому князю поклониться. Первая встрѣча съ разбойниками, которыхъ Илья устрашаетъ выстрѣломъ. Затѣмъ Илья прогоняетъ

⁴¹⁾ Въ отмѣткахъ изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ, сообщенныхъ В. И. Далемъ, мать Ильи называется *Ефросинья* Яковлева. См. пѣсни Кирѣвскаго В. I стр. XXXII.

басурманскую рать отъ Чернигова и пируетъ у черниговскаго князя. Встрѣча съ Соловьемъ—разбойникомъ въ Брянскихъ лѣсахъ разсказана, какъ и предыдущія похождения, близко къ лубочной сказкѣ. По прїѣздѣ Ильи въ Кіевъ князь кіевскій (не названный Владимиромъ), спрашиваетъ его, какого онъ государства и какимъ путемъ ѣхалъ. Узнавъ, безъ недовѣрія, что Илья привезъ Соловья—разбойника, князь хочетъ послушать его свиста. За ослушаніе Илья убиваетъ Соловья—разбойника и уѣзжаетъ гулять по заповѣднымъ лугамъ. Здѣсь встрѣчаетъ калику по имени Гуня⁴²⁾, отъ котораго узнаетъ о прїѣздѣ богатыря Идолища въ Кіевъ. Илья переодѣвается каликой, возвращается въ городъ и обычнымъ образомъ справляется съ Идолищемъ, чѣмъ сказка и кончается. Сличеніе съ лубочной сказкой объ Ильѣ показываетъ, что приведенная смоленская богаче лубочной только однимъ эпизодомъ — исцѣленьемъ Ильи старикомъ. Придавать особенное значеніе замѣнѣ

⁴²⁾ Гуня въ 50 пудъ, въ которой одѣтъ калика (въ лубоч. сказкѣ и былинахъ), стала его собственнымъ именемъ.

Карачарова Карачевымъ и Мурома Муровомъ едва ли возможно.

10) Переходя отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ, остановимся прежде всего на обширной сказкѣ объ Ильѣ Муринѣ, записанной въ Волынской губерніи. Отсылая къ сдѣланному мною изложенію ея пестраго содержанія, взятаго большей частью изъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, перескажемъ только начало, содержащее мотивъ исцѣленія. Мѣсто рожденія Ильи Мурина, крестьянскаго сына, не названо. Онъ сидѣлъ сиднемъ 45 лѣтъ. Странники Господни — Петръ и Павель — просятъ его принести воды напиться. Исцѣленіе и затѣмъ нѣкоторое уменьшеніе силы. Ношеніе Ильей барилки съ питьемъ въ поле родителямъ. Корчеванье деревьевъ. Выборъ коня, изготовленіе меча и копья. Похожденіе съ Соловьемъ. Пріѣздъ съ привязаннымъ Соловьемъ въ городъ къ одному великому купцу, который спрашиваетъ его, какой дорогой онъ ѣхалъ. Узнавъ, что Илья привезъ Соловья, купецъ проситъ его въ

хату. Илья вошелъ, но его не выдерживаютъ полы и кресла. Выѣхавъ изъ города, Илья бросилъ Соловья и поѣхалъ дальше. Слѣдуетъ встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ и бой. Илья въ третьей стычкѣ опрокинулъ богатыря, но по его просьбѣ пощадилъ его; они побратались и поѣхали вмѣстѣ дальше. По дорогѣ встрѣчаютъ гробъ. Богатырь легъ въ гробъ, Илья 30 разъ ударилъ по крышкѣ копьемъ и на нейросло 30 обручей. Илья беретъ доспѣхи богатыря и ѣдетъ дальше. Прочія похождения его цѣликомъ взяты изъ сказки о Ерусланѣ⁴³). Характернымъ, кромѣ послѣдняго смѣшенія, представляется въ этой сказкѣ и то, что, не имѣя эпизода объ Идолицѣ, она сохранила отголосокъ смерти Святогора въ гробѣ, извѣстный въ выше разсмотрѣнной смоленской сказкѣ.

11) Другая малорусская сказка, записанная въ д. Богодарѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи⁴⁴) также не

⁴³) См. Этногр. Обозр. кн. XII. стр. 122—126.

⁴⁴) Напеч. въ Елисаветград. Вѣстникѣ 1889 № 92 и въ соч. Д. И. Эварницкаго — Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и новороссійскаго края 1889, стр. 169—172.

указываетъ мѣста рожденія богатыря, хотя называетъ его Илья Муромецъ. Въ отсутствіе родителей, ушедшихъ въ лѣсъ, Илью обычнымъ образомъ — питьемъ кваса — исцѣляютъ два старика. Уменьшеніе силы на половину. Несеніе Ильей обѣда родителямъ и ихъ недоумѣніе при видѣ исцѣленнаго сына. Во время ихъ обѣда Илья вырвалъ множество пней и перегатилъ цѣлую рѣчку. Односельцы стали завидовать Ильѣ, и онъ рѣшилъ уйти изъ дому, сказавъ родителямъ, что примѣтой его смерти будетъ прилетѣть двухъ голубей и появленіе крови на ручникѣ (сказочная обычная черта). Въ дальнѣйшемъ нѣтъ ни выбора коня, ни похождения съ Соловьемъ—разбойникомъ и Идолицемъ, но взятое изъ другихъ сказокъ освобожденіе богатыремъ царевны отъ змѣя, залегавшаго воду. За этимъ подвигомъ слѣдуетъ коварное убіеніе Ильи какимъ-то бондаремъ, выдающимъ себя передъ царемъ за побѣдителя змѣя и получающимъ въ награду руку царевны. Родители Ильи по примѣтамъ узнали объ его смерти и стали служить по немъ

панихиду. Господь услышалъ ихъ молитву и оживилъ Илью, который затѣмъ идетъ во дворець, обличаетъ бондаря и женится на царевнѣ. Очевидно въ этой скудной содержаніемъ сказкѣ только первая половина — до выѣзда богатыря изъ дому — имѣетъ отношеніе къ Ильѣ Муромцу.

Въ томъ же Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи (въ с. Алексѣевкѣ) былъ записанъ И. И. Манжурой любопытный народный рассказъ объ Ильѣ пророкѣ съ нѣкоторыми чертами сказокъ объ Ильѣ Муромцѣ. Рассказъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей — сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ кровосмѣсителѣ, примыкающаго къ западнымъ сказаніямъ объ Ильѣ-пророкѣ, по которымъ онъ убилъ отца и мать. Содержаніе первой части таково: Илья пророкъ 37 лѣтъ жилъ у отца и матери, не владѣлъ ногами. Въ отсутствіе родителей, работавшихъ на нивѣ, приходятъ Богъ и св. Петръ и велятъ Ильѣ встать и принести имъ напитокъ. Онъ принесъ, напился самъ по ихъ приказанію и

получилъ огромную силу. Странники велѣли ему помогать родителямъ и ушли. Илья идетъ къ нимъ, вырывая дорогой дубы. Родители, увидя его, со страху померли. Затѣмъ Илья идетъ въ разбойники и перебилъ множество народу. Убивъ однажды челоуѣка изъ-за 5 копеекъ, онъ сокрушился и пошелъ каяться. Дальнѣйшее содержаніе сказки насъ не касается; ОТМѢТИМЪ только, что разказчикъ упомянулъ, что мощи Ильи лежатъ теперь въ Кіевѣ⁴⁵). Послѣдняя извѣстная намъ малорусская сказка объ Ильѣ, сообщаемая Руликовскимъ (*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*)⁴⁶), начинается съ эпизода объ Ильѣ-сиднѣ. Старикъ, давшій ему силу, велитъ ему купить у попа паршиваго жеребенка, изготовить желѣзную булаву въ 4 пуда, оловянную шапку въ два пуда и предсказываетъ побѣду надъ змѣемъ въ Кіевѣ. Далѣе разсказывается встрѣча Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ и приѣздъ его

⁴⁵) Изложеніе сказки см. въ изслѣдованіи Н. Ѳ. Сумцова — Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ 1888, стр. 125 и слѣд.

⁴⁶) Въ *Zbiór Wiadomości do antropologii krajowъj*, III (1879) Dz. Etn. № 9. 67—69.

въ Кіевѣ. Послѣдняя часть сказки представляетъ Илью — змѣборцемъ. Въ Кіевѣ змѣй по очереди поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ и дошелъ чередъ до княжны. Илья убилъ змѣя шляпой и женился на княжнѣ. Князь и княжна не названы по именамъ.

Не болѣе, какъ на ряду съ малорусскими сказками, занесенными къ малоруссамъ изъ Великороссіи, слѣдуетъ поставить инородческія сказки объ Ильѣ, записанныя въ послѣднія десятилѣтія у Финновъ, Латышей, Чувашей и Якутовъ. Три финскія сказки изъ собранія Ю. Крона изложены по-русски и рассмотрѣны академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ его „Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ" № XIV⁴⁷), въ виду чего, отсылая читателей къ названной статьѣ, могу ограничиться лишь нѣкоторыми замѣчаніями. *Первая* (изъ Выборгской губ.) содержитъ мотивъ исцѣленія питьемъ, при чемъ Илла Муровитса исцѣляетъ Христось въ видѣ нищаго. Первыя проявленія силы — колка

⁴⁷) Ж. М. Н. Пр. 1890 мартъ, стр. 6—18.

дровъ, шести финскихъ сажень, и устройство изгороди изъ большихъ деревьевъ. Далѣе покупка коня у попа, приобрѣтеніе богатырской сбруи и шляпы въ 30 пудовъ. Встрѣча съ богатыремъ Обжорой, соотвѣтствующимъ Идолицу и убіеніе этого богатыря шляпой. Соловьѹ разбойнику соотвѣтствуетъ „русскій богатырь“ (ruskoі rohatteri), причемъ къ этому образу примѣшались черты изъ сказки о Ерусланѣ. Дальнѣйшая встрѣча Ильи съ „сильнымъ богатыремъ“ (silnoi rohatteri), который принимаетъ удары Ильи за укушеніе комаровъ и сажаетъ его въ карманъ. Жена богатыря разыгрываетъ съ Ильею исторію жены Пентефрія. Илья бѣжитъ отъ него на гору и молится Богу. Господь спасаетъ Илью и насылаетъ на сильнаго богатыря смерть, причемъ смѣшаны рассказы о смерти Святогора при поднятіи сумки съ земной тягой и смерти Аники. Такимъ образомъ, представляя своеобразно передѣланные отголоски походовъ Ильи съ Идолицемъ, Соловьемъ и Святогоромъ, эта сказка не

содержитъ никакихъ мѣстныхъ
прикрѣпленій и былинныхъ именъ, не
названы Муромъ, Кіевъ, Владимиръ,
Соловей–разбойникъ и проч.

Во *второй* сказкѣ (изъ Кемскаго уѣзда
Архангельской губ.) Илья отождествленъ
съ Ильей–пророкомъ. Исцѣляютъ сидня не
странники, а голосъ изъ–за двери, велящій
ему встать. Первое проявленіе силы, какъ и
въ первой сказкѣ, рубка дровъ. Далѣе
поѣздка въ Кіевъ (въ городъ Wokijeskoі) и
встрѣча съ Рахматовичемъ (Rahmaattovits),
т. е. съ Соловьемъ Рахматовичемъ. Илья
привязываетъ его подъ брюхо лошади. Царь
(не названный по имени) желаетъ слышать
свистъ Рахматовича. Илья велитъ ему
показать четвертую часть своего свиста и за
ослушаніе убиваетъ его. Слѣдующій
эпизодъ, въ которомъ Илья братается съ
другимъ богатыремъ и корчуетъ лѣсъ, какъ
уже замѣтилъ акад. Веселовскій, стоитъ не
на своемъ мѣстѣ, а относится къ дѣтству
Ильи. Третій эпизодъ — похождение съ
Идолицемъ въ обычныхъ чертахъ.
Четвертый — представляетъ какую–то

путаницу съ глухой реминисценціей Святогора и прыганья Васьки Буслаева. Илья пришелъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой одинъ человекъ прожилъ триста лѣтъ. Явился и калика; Илья обмѣнялся съ нимъ одеждой и освободилъ того человека. Вокругъ горы встала изгородь по колѣна вышиной. „Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной впередъ, то будете жить такъ же долго, какъ и я, говоритъ человекъ, — не то быть вамъ въ бѣдѣ.“ Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крючьями и разбилъ себѣ голову о гору (Васька Буслаевъ). Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взялъ на небо за то, что освободилъ человека (Илья—пророкъ). Такимъ образомъ въ сказкѣ мы находимъ слѣдующіе мотивы въ своеобразномъ искаженіи: исцѣленіе, корчеваніе, Соловей, Идолице, Святогоръ; но изъ былинныхъ именъ удержаны лишь Кіевъ и Рахматовичъ.

Еще больше искаженій и смѣшеній въ *третьей* финской сказкѣ, записанной въ Олонцѣ. Бездѣтный мужъ и жена вырѣзали

изъ ольхи дѣтскую фигуру и качаютъ ее въ люлькѣ. Разъ, когда они пришли изъ лѣса, видятъ, что дитя живое, только безъ рукъ и ногъ и не говоритъ. Въ другой разъ, въ отсутствіе родителей является какой-то старикъ и питьемъ кваса исцѣляетъ Илью, даровавъ ему притомъ огромную силу. Въ дальнѣйшемъ содержаніи находимъ: помощь Ильи родителямъ въ полевыхъ работахъ, покупку жеребенка и пріобрѣтеніе палицы, похождение съ Миродомъ (т. е. Идолищемъ), съ птицей Свиской (т. е. Соловьемъ), Росланомъ, соответствующимъ Святогору и отчасти Росланею сказки объ Ерусланѣ. Сказка кончается смертью Ильи, на которую перенесены черты смерти Святогора — гробъ съ захлопнувшейся крышкой. Въ сказкѣ такое же отсутствіе былинныхъ именъ, лицъ и мѣстъ, какъ и въ предыдущихъ.

Въ чувашской сказкѣ, сообщенной о. Смѣловымъ въ его Очеркѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ чувашъ⁴⁸), Илья

⁴⁸) Напечат. въ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ В. Магнитскаго. Казань 1881, стр. 251—253.

отождествленъ съ Ильей пророкомъ и преданіе о немъ связано съ преданіемъ о сотвореніи птицъ. Илья–богъ былъ сиднемъ до 30 лѣтъ. Разъ отецъ его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ сидень, остался дома. Передъ обѣдомъ приходитъ въ избу великій Богъ съ „Херле свиремъ" и просить напитокъ. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да некому принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья, какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пива. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ ведро безъ отдыха. Послѣ 3–го ведра у Ильи явилась такая сила, что онъ могъ бы приподнять землю. Далѣе идетъ несеніе Ильей обѣда помочанамъ (40 ведерной бочки пива, котла каши и проч.), корчеванье лѣса, покупка жеребенка, изготовленіе желѣзной шапки въ 40 пудовъ и палицы въ 10 пудовъ и отъѣздъ Ильи. На пути онъ увидѣлъ слѣпого старичка, разговорился съ нимъ про силу. И говоритъ старичокъ: а ну–ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку. Старикъ пожалъ палку, и

палка затрещала и сплюснулась. [Съ этимъ эпизодомъ можно сравнить встрѣчу Ильи въ русской побывальщинѣ со *слѣтымъ* отцомъ Святогора, которому Илья вмѣсто руки подаетъ нагрѣтый кусокъ желѣза]⁴⁹). А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старику свою шапку: старикъ обнялъ шапку — не поддается; ну, ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь *паттырь* (богатырь). Послѣ этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо огромнаго соловья на семи ветлахъ, котораго свистъ былъ слышенъ за 7 верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло; бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы; изъ большихъ частей — большія птицы, изъ малыхъ — малыя... Послѣ этого Илья не долго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и бьетъ шайтана. Отмѣтимъ, что чувашское преданіе не знаетъ Идолища. Вмѣсто Святогора — какой-то великанъ слѣпой,

⁴⁹) Рыбниковъ III стр. 6-я.

соотвѣтствующій Святогорову отцу. Соловей–разбойникъ превратился въ птицу и, какъ въ одномъ бѣлорусскомъ пересказѣ (см. выше), изъ нея тѣла произошли другія птицы. Въ сказкѣ не сохранилось никакихъ былинныхъ именъ, даже Муромца.

Очень подробная въ деталяхъ и сложная по составу сказка объ Ильѣ была записана у Якутовъ Верхоянскаго округа. Въ ней мы находимъ многія былинные похождения Ильи, а также такія, которыя объясняются вліяніемъ другихъ сказокъ⁵⁰). Илья Муромецъ — сынъ богатаго мужика Клима въ Муромѣ. Родители долго не имѣли дѣтей и ходили на богомолье. Илья родился когда отцу было 82 года, а матери 70. Исцѣленіе и силу онъ получаетъ на 19–мъ году отъ трехъ свѣтлыхъ юношей, но безъ обычнаго питья. Корчеванья лѣса нѣтъ. Покупка жеребенка у сосѣда рассказана чрезвычайно подробно. Испросивъ благословеніе у отца, Илья ѣдетъ въ Кіевъ, но дорогою ранитъ Соловья–разбойника, представленнаго въ видѣ птицы, привозитъ

⁵⁰) Напечатана въ Верхоянскомъ Сборникѣ. Иркутскъ 1890 стр. 254–268.

его въ Кіевъ къ *царю* Владимиру, заставляетъ свистать и затѣмъ „переломилъ птицѣ одно крыло, одну ногу и отпустилъ ее, чтобъ не появлялась въ этихъ мѣстахъ”. Далѣе разсказывается бой богатыря поповскаго сына (т. е. Алеши Поповича) съ Смерть–Тамаровичемъ (т. е. Тугариномъ). Послѣ нѣсколькихъ походовъ, вошедшихъ въ сказку изъ другихъ сказокъ, Илья встрѣчается съ великаномъ, значительно превосходящимъ его силою въ разныхъ испытаніяхъ. Бдучи вмѣстѣ съ нимъ, встрѣчаютъ гробъ, въ который великанъ ложится и захлопывается крышкой. Умирая, онъ передаетъ часть своей силы Ильѣ. Сказка кончается встрѣчей Ильи со старикомъ (Николаемъ чудотворцемъ), котораго сумку онъ едва приподнялъ, напрявши всѣ свои силы. Сумка вѣсила $\frac{3}{4}$ части земли по объясненію старика, который затѣмъ исчезъ. Дальнѣйшіе подвиги Ильи неизвѣстны.

Якутская сказка свидѣтельствуешь о прежней извѣстности былинь и

побывальщинъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ въ Верхоянскомъ округѣ. Дѣйствительно, тамъ же была записана въ стихотворной формѣ настоящая былина о боѣ Алеши Поповича и его слуги Екима съ Тугариномъ⁵¹). Немудрено поэтому, что въ отличіе отъ множества сказокъ объ Ильѣ, записанныхъ въ Европейской Россіи, верхоянская сказка довольно хорошо сохранила былинные имена: городъ Муромъ и Кіевъ, царь Владимиръ, Соловей-разбойникъ, поповскій сынъ. Любопытно только, что въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ сказкахъ, содержащихъ отголоски встрѣчи Ильи со Святогоромъ, этотъ богатырь не носитъ своего олонецкаго имени. Чѣмъ объяснить это обстоятельство?

Латышская сказка объ Ильѣ напечатана въ русскомъ переводѣ О. Я. Трейландомъ⁵²). Илья въ латышской передѣлкѣ носитъ имя Илинъ. Илинъ, единственный сынъ у своихъ родителей,

⁵¹) См. тамъ же стр. 303—307 и Р. Былины старой и новой записи № 29.

⁵²) См. Сборн. мат. по этногр. изд. при Дашков. Этн. Музеѣ; вып. II, стр. 144—151.

быль здоровъ и крѣпокъ, но, разъ влѣзши на печку въ овинѣ, сдѣлался такъ слабъ, что пролежалъ на печи много лѣтъ. Однажды въ отсутствіе родителей къ нему пришелъ старикъ—нищій и просилъ милостыню. Илинъ сказалъ, что подалъ—бы, но не можетъ двинуться съ мѣста и просилъ нищаго самому пойти въ свѣтлицу и позавтракать. Въ благодарность нищій велитъ ему подняться, и дѣйствительно Илинъ сошелъ съ печи. Вмѣстѣ съ нищимъ они строятъ на дворѣ каменный столбъ, ухватившись за который Илинъ поворачиваетъ землю. По другому варианту, еще болѣе близкому къ нашимъ сказкамъ, старикъ нищій даетъ Илину, слѣзшему съ печки, выпить ведро квасу, и Илинъ подымаетъ затѣмъ однимъ мизинцемъ весь отцовскій домъ. Для убавленія этой чрезмѣрной силы Илинъ выпиваетъ, по повелѣнію старца—нищаго, еще полведра квасу. Старецъ, объявивъ Илину, что онъ не нищій, а посланникъ Бога, исчезаетъ. Затѣмъ Илинъ несетъ бочку пива, множество мяса и молока родителямъ и

работникамъ, бывшимъ на сѣнокосѣ. Всѣ удивляются его исцѣленію. Дальнѣйшія похождения Илина не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными подвигами Ильи Муромца, а напоминаютъ другія сказки. Илинъ встрѣчаетъ богатырей Дубыню, Горыню и огромнаго великана, которыхъ беретъ въ товарищи, побѣждаетъ старика, живущаго въ подземномъ царствѣ, сговорившись съ его дочерью, остается, благодаря измѣнѣ товарищей, овладѣвшихъ его невѣстой, одинъ въ подземномъ царствѣ, вылетаетъ оттуда на гусѣ, убиваетъ измѣнниковъ и женится на стариковой дочери. Изъ персонажей латышской сказки только одинъ — великанъ — пожалуй напоминаетъ Святогора. На морскомъ берегу Илинъ видитъ страшнаго великана. „Весь онъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ сажень...” Илинъ подошелъ къ нему, взялъ его за бороду и крикнулъ: „Эй, великанъ, что ты спишь! Встань—ка!” Проснулся великанъ, видитъ: карликъ такой его разбудилъ. Протеръ онъ

глаза и заревѣлъ, какъ левъ, точно громъ прогремѣлъ: „какъ посмѣлъ ты, блоха, дотронуться до моей бороды, насмѣхаться надъ моимъ сномъ? Я тебя, негодяй, проучу!" Однако, хотя по размѣрамъ, по отношенію къ герою сказки, великанъ напоминаетъ Святогора, лежащаго на горѣ, но Ильѣ, въ противоположность нашему Ильѣ, оказался сильнѣе великана, не попалъ къ нему въ карманъ, а, напротивъ, сдѣлалъ его своимъ работникомъ.

Содержаніе вотяцкой сказки объ Ильѣ, сообщаемой Верещагинымъ⁵³), сводится къ слѣдующей схемѣ: Илья–сидень: выѣздъ (исцѣленія каликами — нѣтъ); какой–то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидитъ Соловей–разбойникъ. Илья хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ⁵⁴). Ранивъ Соловья, онъ привозитъ его въ городъ (не названный), показываетъ царю и убиваетъ за послушаніе. Царь жалуется Ильѣ, что къ нему въ городъ ходитъ чудовище Обжора,

⁵³) Верещагинъ — Вотяки Сосновскаго края. Спб. 1886 стр. 142.

⁵⁴) Акад. А. Н. Веселовскій основательно усматриваетъ въ этой немотивированной похвальбѣ отголосокъ забытаго эпизода о встрѣчѣ Ильи со станичниками. Разысканія въ обл. р. духов. стиха, Вып. 6–й, стр. 153.

сѣдаеть въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива. Илья убиваетъ Обжору. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, представляющій отголосокъ встрѣчи Ильи со Святогоромъ, но смерть въ гробу перенесена на Илью.

Въ предыдущемъ мы разсмотрѣли болѣе 20-ти сказокъ — русскихъ и инородческихъ русскаго же происхожденія, и имѣемъ теперь достаточный матеріаль, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ интересующимъ насъ сюжетомъ исцѣленія Ильи. Эти наблюденія сводятся къ слѣдующему:

1) Сказки, содержащія мотивъ исцѣленія Ильи, не называютъ мѣста его рожденія Мурома, села Карочарова, хорошо извѣстнаго, былинамъ. Исключеніе составляютъ лишь сказка Вологодская, упоминающая городъ Муромъ, но не знающая кн. Владимира, сказка якутская, знающая и Муромъ и *царя* Владимира, и смоленская (В. В. Богданова), представляющая пересказъ лубочной. Въ обзорѣ содержанія сказокъ вологодской и

якутской мы видѣли, что обѣ онѣ содержатъ и другія черты изъ былинь, которыя свидѣтельствуя о прежнемъ распространеніи былинь въ мѣстахъ изъ записи. Такъ вологодская сохранила отголоски боя Ильи съ сыномъ, неизвѣстнаго другимъ сказкамъ; якутская упоминаетъ Алешу и Тугарина.

Далѣе, рассказывая о походе Ильи съ Соловьемъ—разбойникомъ, сказки вообще не называютъ Владимиромъ лицо, къ которому Илья привозитъ раненаго Соловья, и не упоминаютъ города Кіева. Упоминаетъ о Кіевѣ и Владимирѣ (царѣ) лишь вышеназванная якутская сказка и одна финская. Затѣмъ въ вятской, гдѣ мѣсто Ильи занимаетъ Осипъ прекрасный, названъ Кіевъ, но нѣтъ князя Владимира. Изъ всего этого естественно вытекаетъ заключеніе, что сказки съ мотивомъ исцѣленія Ильи не передѣланы изъ былинь, утратившихъ стихотворную форму и перешедшихъ въ такъ—называемые побывальщины. Изъ разсмотрѣнія эпизода исцѣленія Ильи въ *былинахъ* мы выше

сдѣлали заключеніе, что сказители не знали этого эпизода въ стихотворной обработкѣ. И такъ, слѣдуетъ думать, что въ тѣ немногія былины, въ которыхъ онъ находится, онъ проникъ изъ сказокъ и затѣмъ въ устахъ сказителей, привычныхъ къ былинному стилю, подвергся самой поверхностной былинной окраскѣ.

2) Въ значительномъ большинствѣ сказокъ вслѣдъ за удаленіемъ странниковъ, исцѣлившихъ Илью, слѣдуетъ первое проявленіе его силы — корчеванье лѣса. Замѣчательно, что этотъ эпизодъ, почти неизвѣстный былинамъ, какъ и исцѣленье, не оказывается однако именно въ тѣхъ сказкахъ (вологодской и якутской), которыя, какъ мы видѣли, сильно отзываются былинными мотивами. Думаемъ, что *корчеванье* составляло второй эпизодъ въ сказкахъ объ исцѣленіи сидня, какъ бы онъ ни назывался.

3) Сказки не знаютъ эпизода освобожденія города (Чернигова, Себежа, Крякова и проч.) Ильей отъ непріятельской рати, эпизода хорошо извѣстнаго былинамъ

и повѣстямъ, исторіямъ объ Ильѣ въ записяхъ XVII и XVIII вѣка. Новое подтвержденіе предположенію, что сказки ни передѣлка былинь⁵⁵).

4) Похождение съ Соловьемъ принадлежитъ значительному большинству сказокъ. Кое-гдѣ (въ Бѣлоруссіи, Малоруссіи и у чувашей Казанск. губ., сюда присоединена *legende d'origine* — происхождение птицъ изъ тѣла убитаго Соловья. Объясняется это присоединеніе тѣмъ, что Соловей былъ осмысленъ какъ гигантская птица.

5) Въ нѣкоторыхъ изводахъ сказки за эпизодомъ съ Соловьемъ или его замѣстителями слѣдуетъ или ему предшествуетъ похождение Ильи съ персонажемъ, соотвѣтствующимъ былинному Идолицу—объѣдалу. (Сказки: вологодская, и бѣлорусскія, три финскія). Въ большинствѣ перечисленныхъ сказокъ (въ трехъ финскихъ, въ одной бѣлорусской и якутской) встрѣчается вмѣстѣ съ Идолицемъ и персонажъ, соотвѣтствующій

⁵⁵ Наличие освобожденія Чернигова въ Смоленской сказкѣ объясняется ея связью съ лубочной.

Святогору. Но изрѣдка Идолица нѣтъ, а Святогоръ на лицо (волынская, якутская, чувашская, гдѣ — личность, соотвѣтствующая скорѣе былинному слѣпому отцу Святогора). Напомнимъ, однако, что нигдѣ не встрѣчается имя Святогоръ. Нельзя-ли отсюда вывести, что имя Святогора прикрѣпилось къ великану, превосходящему Илью силой, въ Олонецкомъ былинномъ репертуарѣ, колоніей котораго является сибирскій (былины Кирши), причемъ сибирскимъ былинамъ извѣстно только имя Святогора безъ всякихъ походовъ этого богатыря. Конечно, возможно и предположеніе, что имя Святогора было лишь забыто сказками, какъ и другія эпическія имена. Рѣшеніе этого вопроса возможно въ связи съ другимъ, который я только ставлю, не имѣя достаточно матеріала для его рѣшенія: какъ относятся сказки объ Ильѣ къ былинамъ? Представляютъ-ли сказки результатъ разложенія былинъ, или, наоборотъ, былины — стихотворныя въ былевомъ стилѣ

обработки сказокъ, предковъ современныхъ искаженныхъ сказокъ объ Ильѣ?

6) Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, кромѣ исцѣленія и корчеванія, Ильѣ приписывается только одинъ подвигъ — избавленье царевны отъ змія, формула Егорія змѣборца. Таковы сказка неизвѣстно гдѣ записанная Кирѣевскимъ и малорусская, перешедшая изъ Великороссіи, сказка Екатеринославской губерніи. Этотъ сказочный мотивъ настолько популяренъ, что прикрѣпленіе его къ Ильѣ вполне естественно. Не свидѣтельствуетъ—ли однако такое прикрѣпленіе въ пользу того, что эта сказка не передѣлка былинь, которымъ змѣборство Ильи совершенно неизвѣстно.

7) Въ значительномъ числѣ сказокъ Илья—богатырь смѣшивается съ Ильей—пророкомъ (сказки: Тамбовская, 1 Бѣлорусская, 1 Екатеринославская, 1 Финская, Чувашская). Перенесеніе здѣсь, конечно, съ Ильи—богатыря на Илью—пророка, объясняющееся совпадениемъ имени. Легенды объ Ильѣ

пророкъ не знаютъ ничего объ его долголѣтнемъ сидѣніи и исцѣленіи. Даже на предполагаемой родинѣ Ильи, въ селѣ Карачаровѣ, населеніе уже смѣшиваетъ объ личности.

8) Большимъ богатствомъ содержанія отличаются тѣ сказки объ Ильѣ, которыя записаны либо въ мѣстахъ сосѣднихъ съ главнымъ очагомъ нашего былиннаго эпоса, либо въ такихъ, куда въ прежнія времена проникали былины. Таковы 3 финскія сказки, двѣ бѣлорусскія, латышская съ одной стороны; съ другой — Якутская и Вологодская. Крайне скудны и спутанны сказки малорусскія, изъ которыхъ одна уснащена мотивами сказки о Ерусланѣ (волынская), другая — содержитъ лишь змѣеборство, третья — Илью-разбойника, спасающагося покаянiемъ. Придавать какое бы то нибыло значеніе малорусскимъ сказкамъ въ вопросѣ о южномъ происхожденіи Ильи нѣтъ возможности.

Выше я счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что мотивъ исцѣленія Ильи странниками и перваго проявленія силы въ

полевой работѣ не былъ въ Олонецкомъ былинномъ репертуарѣ обработанъ въ стихотворномъ складѣ и зашелъ къ олонецкимъ сказителямъ изъ сказокъ. Спрашивается: не существуетъ—ли этотъ мотивъ въ русскихъ сказкахъ въ прикрѣпленіи къ другому имени? На этотъ вопросъ далъ отвѣтъ уже П. А. Безсоновъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ къ сборнику Кирѣевскаго. Мотивъ исцѣленія оказывается прикрѣпленнымъ къ Ивану крестьянскому сыну въ лубочной старинной сказкѣ, которой начало Безсоновъ приводитъ по изданію 1793 года: „Въ нѣкоей деревнѣ былъ крестьянинъ не весьма богатой. И тотъ крестьянинъ жилъ со своею женою три года, а дѣтища у нихъ не было. На четвертое лѣто жена ево понесла и родила сына, котораго и назвала Иваномъ. Когда Ивану сему минуло пять лѣтъ, ходить онъ не могъ, потому что былъ сидень, то отецъ его и мать стали кручинитца и просили Бога, чтобъ далъ ихъ сыну здоровье, ноги”. Однако до 33 года Иванъ не владѣлъ ногами. Далѣе

разсказывається приходъ нищаго и исцѣленіе Ивана. Затѣмъ нищій просить Ивана, принести пива и велить ему самому выпить ендову, послѣ чего онъ почувствовалъ великую силу. Приходъ и удивленіе родителей. Иванъ испытываетъ силу: выйдя въ огородъ, онъ взялъ въ руки коль, воткнулъ въ огородъ въ землю и повернулъ его такъ сильно, что вся деревня съ коломъ повернулась. (Ср. слова Ильи: кабы столбъ отъ земли до неба, я бы своротилъ всю землю). Затѣмъ Иванъ беретъ благословеніе у родителей, чтобы ѣхать на подвиги. Дальнѣйшее содержаніе сказки не представляетъ ближайшаго сходства съ эпическими похождениями Ильи Муромца⁵⁶).

Приобрѣтеніе силы посредствомъ питья встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, напр. въ одной сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ. У его отца содержался взаперти мужичокъ руки желѣзны, голова чугуна, самъ мѣдный. Когда царевичъ разъ шель мимо тюрьмы, мужикъ попросилъ у него напиться. Когда

⁵⁶ Пѣсни Кирѣвскаго, III замѣтка, стр. XXIII и слѣд.

царевичъ подалъ ему воды, онъ исчезъ изъ тюрьмы. Въ благодарность за освобожденіе, старикъ зазвалъ Ивана къ себѣ въ гости и далъ выпить полуведерную чашу вина. Потомъ пошли гулять и дошли до камня въ 500 пудовъ. Иванъ послѣ питья вина легко поднялъ этотъ камень. Старикъ велитъ ему пить еще нѣсколько разъ, и сила Ивана все прибываетъ: онъ можетъ поднять уже камень въ 1500 пудовъ. Тогда старикъ говоритъ ему: Ну, Иванъ царевичъ! Въ тебѣ теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели передѣлать: тебя оно не станетъ поднимать и проч. Ступай съ Богомъ!⁵⁷).

Если искать параллелей мотиву дарованія силы чрезъ чудесное питье, то намъ придется пересмотрѣть огромное количество сказокъ Европы, Азіи и другихъ частей свѣта. Достаточно сослаться на указанія, сдѣланныя Аѳанасьевымъ, О. И. Буслаевымъ, О. Миллеромъ, В. В. Стасовымъ, М. Халанскимъ,

⁵⁷ См. Сказки Аѳанасьева 1-е изд. Вып. II стр. 47—54 и Пѣсни Кирѣевск. III замѣтка, стр. XXV.

Махаломъ, Тилле–Коскэномъ и др.⁵⁸), которыя свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи этого мотива и на востокѣ, въ индійскихъ сказаніяхъ, и на западѣ, въ германскихъ, романскихъ, южно–славянскихъ. Мы не ставимъ себѣ цѣли, вообще трудно достижимой, уяснить, какимъ путемъ странствующій мотивъ — пріобрѣтеніе силы чрезъ питье — проникъ на Русь. Для насъ интереснѣе знать, почему онъ прикрѣпился на Руси между прочимъ къ національному богатырю.

Можно думать, что съ идеальнымъ народнымъ богатыремъ, хотя и не историческимъ лицомъ, произошло то–же явленіе, которое мы наблюдаемъ на лицахъ историческихъ. Подобно тому, какъ свѣдѣнія о молодости и воспитаніи лицъ, получившихъ громкую извѣстность, собираются уже позднѣе, послѣ ихъ смерти, чтобы удовлетворить общественному къ нимъ интересу, точно

⁵⁸ Аѳанасьевъ — Ск. IV стр. 391 и слѣд., 436 слѣд., Ѳ. И. Буслаевъ. — Русскій богатыр. эпосъ стр. 106; О. Миллеръ — Илья Муромецъ стр. 169–180; Стасовъ — Вѣст. Евр. 1868 апрѣль. Халанскій — Велик. был. кiev. цикла стр. 94; южно–слав. сказанія о кралев. Маркѣ 1893 стр. 66–75; Mŭchal — О Bohatyrskŭm epose Slovanskŭm. I стр. 151; Tille — Listy fil. XVI 381, Cosquin — Contes populaires de Lorraine, II 107–114.

также у народа являлись запросы относительно молодости Ильи. Известно, что Илья носить постоянный эпитетъ *стараго*, занимает не только по силѣ, но и по возрасту первенствующее мѣсто среди другихъ богатырей и совершаетъ всѣ свои отдѣльные подвиги, какъ *старый* казакъ, не упадчивый, въ противоположность другимъ юнымъ богатырямъ, на женскую красоту. Понятно, что, зная подвиги Ильи, совершенные имъ уже въ почтенномъ возрастѣ, народъ могъ задавать себѣ вопросъ, что же Илья, этотъ богатырь, одаренный чудесной силой и мужествомъ, дѣлалъ въ молодости, на что употреблялъ онъ свою богатырскую силу. О какихъ-либо подвигахъ Ильи-юноши ничего не было известно. И вотъ для объясненія этого молчанія къ имени Ильи весьма удобно прикрѣпился сказочный бродячій мотивъ о богатыряхъ-сидняхъ, которые до известнаго возраста (30 или 33) не могутъ обнаружить свою силу. Этотъ мотивъ, повидимому, не получилъ обстоятельной былинной обработки: былины о первой

поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ только вскользь говорятъ, что Илья былъ 30 лѣтъ сиднемъ, а затѣмъ, ощутивъ силу великую, отпросился у родителей ѣхать въ Кіевъ. Осложненіе или распространеніе мотива о богатырѣ–сиднѣ другимъ, — исцѣленіемъ богатыря нищими, посредствомъ питья — произошло, какъ мы видѣли, въ сказкахъ, и этотъ болѣе поздній рассказъ, повидимому, не былъ обработанъ въ былинномъ складѣ. По крайней мѣрѣ, даже въ Исландіи нашего эпоса — у олонецкихъ сказителей — не нашлось ни одной складной былины объ исцѣленіи Ильи каликами. Исцѣленіе Ильи неизвѣстно и древнѣйшимъ записямъ былинь о немъ, относящимся къ XVII и началу XVIII вѣка. Все это приводитъ къ предположенію, что этотъ сказочный и легендарный сюжетъ присталъ къ имени національнаго богатыря довольно поздно, быть можетъ не ранѣе XVII–го столѣтія.

Вс. Миллеръ.